

ПЕТР ВЯЗЕМСКИЙ

ВОСПОМИНАНИЕ О
БУЛГАКОВЫХ

Петр Андреевич Вяземский

Воспоминание о Булгаковых

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24527905

Аннотация

«Александр Яковлевич Булгаков, хотя собственно и не принадлежал ни Арзамасу, ни литературной деятельности нашей, был не менее того общим нашим приятелем, то есть Жуковскому, Тургеневу, Дашкову, мне и другим. Он был, так сказать, членом-корреспондентом нашего кружка...»

Петр Вяземский

Воспоминание о Булгаковых

Александр Яковлевич Булгаков, хотя собственно и не принадлежал ни Арзамасу, ни литературной деятельности нашей, был не менее того общим нашим приятелем, то есть Жуковскому, Тургеневу, Дашкову, мне и другим. Он был, так сказать, членом-корреспондентом нашего кружка. В печати известен он некоторыми статьями, более биографическими и полу- или бегло-историческими: но в нем, при хорошем образовании и любви к чтению, не было ни призвания литературного, ни авторского дарования. Впрочем, что касается до некоторых его печатных статей, то и тут надобно сделать оговорку. Дружба дружбой, а правда правдой. Он не всегда держался правила «не мудрствовать лукаво», увлекался своим воображением и живостью впечатлений и сочувствий. Помню, между прочим; статью его, где-то напечатанную, в которой он будто записал слова Карамзина, сказанные в кабинете графа Ростопчина за несколько дней до вступления французов в Москву. Сущность рассказа, вероятно, отчасти и справедлива, но много придал он Карамзину и своего собственного витийства. Карамзин ни до войны 1812 года, ни при начале её, не был за войну. Он полагал,

что мы недостаточно для неё приготовлены: опасался её последствий, при настойчивости, властолюбии, военных дарованиях и счастья Наполеона. Он знал, что Наполеон поведет на нас всю Европу, и что она от него не отстанет, покуда он будет в силе и счастья. Он был того мнения, что некоторыми дипломатическими уступками можно и должно стараться отвлечь, хотя на время, наступающую грозу. Патриотизм его был не патриотизмом запальчивых газетчиков: патриотизм его имел охранительные свойства историка.

Собственно литература Булгакова была обширная его переписка. В этом отношении, он, поистине, был писатель и писатель плодовитый и замечательный. Вольтер оставил по себе многие тома писем своих: они занимают не последнее место в авторской деятельности и славе его; они пережили многие его трагедии и другие произведения. Разумеется, не сравнивая одного с другим, можно предполагать, что едва-ли не столько-же томов писем можно было-бы собрать и после Булгакова. Нет сомнения, что и они, собранные воедино, могли бы послужить историческим, или, по крайней мере, общежительным справочным словарем для изучения современной ему эпохи, или, правильнее, современных эпох, ибо, по долголетию своему, пережил он многие. Кроме нас, выше поименованных, был он в постоянной переписке со многими лицами, занимавшими более или менее почетные места в нашей государственной и официальной среде. Назовем, между прочими, графа Ростопчина, князя Михайла Семеновича

Воронцова, графа Закревского. Вероятно, можно было бы причислить к ним и Дм. Пав. Татищева, графа Нессельроде, графа Каподистрию и других. Но важнейшее место в этой переписке должна, без сомнения, занимать переписка с братом его Константином Яковлевичем. Она постоянно продолжалась в течении многих лет. Оба брата долго были почт-директорами, один в Петербурге, другой в Москве. Следовательно, могли они переписываться откровенно, не опасаясь нескромной зоркости постороннего глаза. Весь быт, все движение государственное и общежительное, события и слухи, дела и сплетни, учреждения и лица – все это, с верностью и живостью, должно было выразить себя в этих письмах, в этой стенографической и животрепещущей истории текущего дня. Судя по некоторым оттенкам, свойственным характеру и обычаям братьев и отличавшим одного от другого, не смотря на их тесную родственную и дружескую связь, можно угадать, что письма К. Я., при всем своем журнальном разнообразии, были сдержаннее писем брата. К. Я. был вообще характера более степенного. Положение его в обществе было тверже и определительнее положения брата. Вероятно, некоторые из приятельских отношений к лицам, стоящим на высших ступенях государственной деятельности, перешли к последнему, так сказать, по родству, хотя и от младшего брата к старшему. Он смолоду шел по дипломатической части и бывал в военное время агентом министерства иностранных дел при главных квартирах действующих армий. Это сблизил-

ло его с графом Нессельроде, графом Каподистрием, князем Пет. Мих. Волхонским и другими сподвижниками царствования Александра I. Умственные и служебные способности его, нрав общежительный, скромность, к тому-же прекрасная наружность, всегда привлекающая сочувствие, снискали ему общее благорасположение, которое впоследствии и на опыте умел он обратить в уважение и доверенность. Император Александр особенно отличал его и, вероятно, имел на виду и готовил для определения на один из высших дипломатических заграничных постов. Говорили, что государь очень неохотно и с трудом, по окончании Венского конгресса, согласился на просьбу его о назначении на открывавшееся тогда почт-директорское место в Москве. Но не за долго пред тем Булгаков женился и желал для себя более спокойной служебной оседлости. Московским старожилам памятно его директорство, всем доступное – подчиненным и лицам посторонним, для всех вежливое и услужливое; памятен и гостеприимный дом его, в котором запросто собирались приятели и лучшее общество. С перемещением его из Москвы в Петербург, на таковую же должность, круг его служебной деятельности и общежительных отношений еще более расширился. Биллиард (оба брата были большие охотники и мастера в этой игре) был, два раза в неделю, по вечерам, нейтральным средоточием, куда стекались все звания и все возрасты: министры, дипломаты русские и иностранные, артисты свои и чужеземные, военные, директора департамен-

тов, начальники отделений и многие другие, не принадлежащие никаким отделениям. Разумеется, тут была и биржа всех животрепещущих новостей, как заграничных, так и доморощенных. В другие дни, менее многолюдные, дом также был открыт для приятелей и коротких знакомых. Тогда еще более было непринуждения во взаимных отношениях и разговоре. Тут и князь П. М. Волконский, вообще мало обходительный и разговорчивый, распоясывался и при немногих слушателях делился своими разнообразными и полными исторического интереса воспоминаниями. Тут, между прочим, рассказывал он нам, в продолжении целого вечера, многие замечательные подробности о походах императора Александра, или воспоминания свои о преимущественно анекдотическом царствовании императора Павла.

Собираясь говорить об одном брате, я разговорился о другом; но это не отступление, а, скорее, самое последовательное и логическое вводное предложение. Тем, которые были знакомы с обоими братьями и знали их тесную связь, оно не покажется неуместным.

Александр Яковлевич – уроженец Константинопольский и чуть не обыватель Семибашенного замка, в котором отец его довольно долго пробыл в заточении, – провел года молодости своей в Неаполе, состоя на службе при посланнике нашем Татищеве. Он носил отпечаток и места рождения своего и пребывания в Неаполе. По многому видно было, что солнце на утре жизни долго его пропекало. В нем были

необыкновенные для нашего северного сложения живость и подвижность. Он вынес из Неаполя неаполитанский темперамент, который сохранился до глубокой старости и начал в нем остывать только года за два до кончины его, последовавшей на 82-м году его жизни. Игра лица, движения рук, комические ухватки и замашки, вся эта южная обстановка и представительность, были в нем как будто врожденными свойствами. От него так и несло шумом и движением Кияи и близостью Везувия. Он всегда, с жаром и даже умилением, мало свойственным его характеру, вспоминал о своем Неаполе и принадлежал ему каким-то родственным чувством. И немудрено! Там протекли лучшие годы его молодости. Молодость впечатлительна, а в старости мы признательны к ней и ею гордимся, как разорившийся богач прежним обилием своим, пышностью и роскошью. Он хорошо знал итальянский язык и литературу его. В разговоре своем любил он вешивать итальянские прибаутки. Впрочем, вместе с этою заморскою и южною прививкой, он был настоящий, коренной Русский и по чувствам своим и по мнениям. От его сочувствий и сотрудничества не отказался-бы и современник его, наш приятель Сер. Ник. Глинка, Русский первого разбора, и основатель «Русского Вестника». И ум его имел настоящие русские свойства: он ловко умел подмечать и схватывать разные смешные стороны и выражения встречающихся лиц. Он мастерски рассказывал и передразнивал. Беседа с ним была часто живое театральное представление. Тут опять слива-

лись и выпукло друг другу помогали две натуры: русская и итальянская. Часто потешались мы этими сценическими выходками. Разумеется, Жуковский сочувствовал им с особенным пристрастием и добродушным хохотом. Булгаков вынес из Италии еще другое свойство, которое также способствовало ему быть занимательным собеседником: он живо и глубоко проникнут был музыкальным чувством. Музыкае он не обучался и, следовательно, не был музыкальным педантом. Любил Чимарозе и Моцарта, немецкую, итальянскую и даже французскую музыку, в хороших и первостепенных её представителях. Самоучкой, по слуху, по чутью, разыгрывал он на клавикордах целые оперы. Когда основалась итальянская опера в Москве предприятием и иждивением частных лиц – кн. Юсупова, кн. Юрия Владимировича Долгорукова, Степана Степановича Апраксина, кн. Дмитрия Владимировича Голицина и других любителей – Булгаков более всех наслаждался этим приобретением: оно переносило его в счастливые года молодости. Впрочем, имело оно, несомненно, изящное и полезное влияние и на все Московское общество. Часто, после представления какой-нибудь новой оперы, заходил он ко мне и далеко за полночь разыгрывал с памяти места, которые наиболее нам понравились. Тут воспроизводились и в звуках музыкальные мелодии, и в лицах впечатления и суждения иных новозавербованных меломанов, которые, из подчиненности к начальству и к моде, выдавали себя за пламенных дилетантов. Между тем, были и в то время *запрети-*

тельные патриоты и протекционисты: они, оберегая домашнюю духовную промышленность, вопили против привозного заграничного удовольствия. Еще можно признавать, в некотором размере, требования протекционистов в деле фабричном и ремесленном; но в деле свободных искусств, кажется, нельзя не быть фритредером. Вообще, должно опасаться неблагоприятно суживать чувство народности и любви к отечеству: по этой дороге скоро дойдешь и до Китайской стены.

Кн. Николай Борисович Юсупов не любил Кокошкина, тогда директора Московского театра. Может быть, в эту нелюбовь входила и частичка соместничества и ревности. Князь бывал сам главным директором Петербургских театров: большой и просвещенный любитель драматического искусства, по преданиям юности пламенный почитатель Сумарокова и знавший наизусть многие места из его трагедий, – может быть, желал он причислить и Московскую Дирекцию к своему ведомству Кремлевской Экспедиции. Своим резким, а иногда слегка и чингиз-хановским, остроумием преследовал он Кокошкина и поднимал его на смех. Однажды говорил он кн. Дмитрию Владимировичу Голицыну, что его кучер (т. е. кн. Юсупова) был-бы лучшим директором, нежели Кокошкин. «Вот что со мною случилось», продолжал он: «однажды, выходя из оперы, долго прождал я карету. Когда ее подали, я гневно спросил кучера о причине замедления. – „Извините, Ваше Сиятельство,“ отвечал мне кучер: „я был в райке, мне хотелось послушать музыку.“ – Это признание совершенно

обезоружило мой гнев. А ваш Кокошкин ни разу не был в итальянской опере!»

Вот еще отступление. Но, собственно для меня, тут отступления нет. Образ Булгакова сам собою так и вставляется в раму итальянской оперы. Как-будто вчера, сижу в креслах возле него: так и кажется мне, что он знакомит меня с особенностями итальянизмов музыки и либретто.

После Неаполя, едва ли не лучшее время жизни его было время его почтдиректорства. Тут был он также совершенно в своей стихии. Он получал письма, писал письма, отправлял письма: словом сказать, купался и плавал в письмах, как осетр в Оке. Московские барыни закидывали его любезными записочками с просьбой переслать прилагаемое письмо или выписать что-нибудь из Петербурга, или Парижа. Здесь кстати сказать, что гражданские порядки у нас как-то туго прививаются. Мы во многом держимся патриархальных и доисторических привычек. Многие любят у нас писать по «сей верной оказии» и уведомлять, что, по отпуске письма сего, они, благодаря Бога, живы и здоровы. Также равно есть у нас разряд Молчалиных, которые любят списывать стишки, уже давно напечатанные. Булгаков не даром долго жил в Неаполе и усвоил себе качества *cavaliero servente* и услужливого *сичизбея*. Теперь, за истечением многих законных давностей, можно признаться, без нарушения скромности, что он всегда, более или менее, был *inamorato*. Казенные интересы Почтового Ведомства могли немножко страдать от его лю-

безностей; но за то почт-директор был любимец прекрасного пола.

В одном письме своем Жуковский говорит ему: «ты создан был почт-директором дружбы и великой Русской Империи». В том-же отношении, в другом письме, Жуковский, с своим гениальным шутовством, очень забавно определил письмоводительное свойство Булгакова: «ты рожден гусем, т. е. все твое существо утыкано гусиными перьями, из которых каждое готово без усталости писать с утра до вечера очень любезные письма». Обоих братьев называл я «Любовною Почтой»¹. Но наконец, бедного гуся, Жуковским прославленного, ощипали. Когда уволили его из почтового ведомства с назначением в Сенат, он был поражен, как громом. Живое помню, как пришел он ко мне с этим известием: на нем лица не было. Я подумал, Бог знает, что за несчастье случилось с ним. Я убежден, что сенаторство, то-есть отсутствие почтовой деятельности, имело прискорбное влияние на последние годы жизни его и ее сократило. До того времени бодро нес он свою старость. Сложения худощавого, поджарый, всегда держащийся прямо, отличающийся стройной талии Черкеса, необыкновенной живостью в движениях и речи, — он вдруг осунулся телом и духом. Таким находил я его, когда в последнее время приезжал в Москву. Мы и тогда часто видались, но беседы были уже не те. Я видел пред собою только тень прежнего Булгакова, темное предание о

---

¹ Опера кн. Шаховского.

живой старине. После, и того уже не было. Бедный Булгаков, уже переживший себя, окончательно умер в Дрездене у младшего сына своего. В один из последних приездов моих в Москву уже не нашел я и старшего сына его Константина. Разбитый недугом и параличом и в последние годы жизни казавшийся стариком в виду молодого отца своего, он обыкновенно угощал меня артистическим вечером. Тут слушал я стихи Алмазова, комические рассказы Садовского и самого хозяина, которого прозвал я Скаронном; а сам себя называл он скромным Скаронном. На этих вечерах, уже хриплым голосом, но еще с большим одушевлением, распевал он романсы приятеля своего Глинки. По наследству от отца, имел он также отличный дар передразнивания: представлял, в лицах и в голосе, известных певцов итальянских и русских. Особенно умел он схватить приемы пенья нашего незабвенного Вьельгорского и картавое произношение его. Вот также была богатая русская натура: это второе поколение Булгаковых. Музыкант в душе, но также самоучка, остроумный, без приготовительного образования, хорошо владеющий карандашом, особенно в карикатуре, — он был исполнен дарований, не усовершенствованных прилежанием и наукой. Все это погубила преждевременно жизнь слишком беззаботная и невоздержная. Он тоже был особенная и оригинальная личность в Московской жизни. Все это переходит в разряд темных преданий.

Все близкое и знакомое мне в Москве год от году исчеза-

ет. Москва все более и более становится для меня Помпеей. Для отыскивания жизни, то-ест того, что было жизнью для меня, я не могу ограничиваться одною внешностью: я должен делать разыскания в глубине почвы, давно уже залитой лавою минувшего.

Царское Село. Август.